

Невский байкер

Идисис Космачёв

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Идисис Космачёв Невский байкер

<https://litres.ru/73831311>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глубинах повседневной серой жизни Санкт-Петербурга скрывается ужас, который никто не может объяснить и остановить. «Байкер» – загадочный серийный убийца, чьи жертвы – не особо прилежные и далеко не безупречные жители города, будто избранные для страшной кары. Он работает среди нас, в государственном учреждении, под маской обычного программиста.

Годы расследований, сотни подозреваемых и ни одной улики, способной вывести следствие на его след. Байкер – мастер маскировки и манипуляций, виртуозно прячется в цифровом мире, используя свои навыки программирования, чтобы избежать поимки. Никто не знает, кем он действительно является, и сколько ещё жизней он заберёт на своём холодном байкерском пути.

Эта мрачная история – погружение в мир психологической игры между охотником и жертвой, где правда оказывается самым опасным оружием. Смогут ли правоохранные органы разгадать личность Байкера, или он навсегда останется призраком, бродящим по теням северной столицы?

Идисис Космачёв

Невский байкер

Часть 1. Тот, кто смотрит из темноты

«Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление» (Ф. М. Достоевский,

Ф. М. Достоевский, «Идиот», 1869

Город не спит никогда.

Это я усвоил за тридцать два года жизни в Петербурге. Ночью он другой - не парадный, не туристический, не тот, что показывают в открытках с разводными мостами и золотыми шпилями. Ночью город сбрасывает маску и показывает своё настоящее лицо: облезлые подворотни, пьяные морды у ларьков с шаурмой, от которой пердят три дня, мусорные баки, из которых воняет тухлятиной так, что глаза слезятся, и тишину. Гулкую, звенящую тишину, в которой каждый звук - твой шаг, чей-то сдавленный кашель, звон разбитой бутылки где-то в соседнем дворе - отдаётся эхом в пустых дворах-колодцах, где даже днём солнце бывает только в зените, и то если повезёт.

Я люблю ночь. Ночью я становлюсь тем, кто я есть на самом деле. Дневная жизнь - это маска. Которая уже при-

росла к лицу так плотно, что я не знаю, где заканчивается кожа и начинается пластик. Я вдыхаю эту маску каждое утро перед выходом из дома и выдыхаю только здесь, в темноте, когда никого нет.

Днём я Вячеслав Космачёв, тридцать два года, программист в отделе информационных технологий и кибербезопасности. Зарплата - восемьдесят две тысячи после вычета налогов. Съёмная однушка на Васильевском, на первом этаже старого дома с вечно текущими батареями, которые управляющая компания чинит раз в год, пообещав, да так и не чинит, и соседом-алкоголиком сверху. Мы зовём его Дедом - за вечную щетину, синие мешки под глазами и запах перегара, который просачивается сквозь щели в перекрытиях и смешивается с запахом кошачьей мочи в подъезде. Каждую субботу он устраивает концерты под названием «роняю мебель и матерюсь». Грохот стоит такой, будто он танцует чечётку в кирзовых сапогах.

Девушка Сабрина, с которой встречаемся третий год. Кот Васька, подобранный котёнком у помойки - тощий, облезлый, с перебитой лапой. А теперь жирный наглый зверь, который спит только на моей подушке и орёт по утрам, требуя еды, будто я ему должен каждый день по свежей куриной печёнке. Книжки на полке. Три полки самодельных, из сосновых досок, которые я строгал и покрывал лаком ещё на той квартире, до переезда. На них - от Достоевского до Пелевина, от технических докладов до хакерских мемуаров.

Строчки кода и строчки стихов. Одно лечит голову, другое - душу. Никаких проблем с законом, никаких приводов, никаких долгов. В кредит я не брал ничего, даже телефон. Кредитные карты - это удавка на шее, я видел, как они душат людей заживо. Среднестатистический питерский офисный планктон, каких тысячи в каждом бизнес-центре. Таких же серых, незаметных, равнодушных. Таких, кто встаёт в семь утра, пьёт дешёвый кофе из автомата и едет в переполненной маршрутке в офис, чтобы ровно в шесть вечера уехать обратно. В тесную квартиру, к такому же серому вечеру, к такому же пустому будущему.

Никто не знает, что по ночам я надеваю чёрную косуху и сажусь на мотоцикл. Никто не знает, что я и есть «Байкер».

Семь трупов за два года. Семь человек, которые по закону должны были сидеть в тюрьме до смерти, но разгуливали на свободе. О них писали в новостях короткими заметками на внутренних страницах или не писали вовсе. Их дела были закрыты «за отсутствием состава преступления», свидетели запуганы до немоты, улики исчезли в сейфах тех, кому это было выгодно. Педофилы, насильники, убийцы, вышедшие по УДО за примерное поведение — за то, что в тюрьме не бузили и начальству не перечили. За то, что улыбались надзирателям в лицо и вовремя сдавали талоны на баланду. За то, что их адвокаты вовремя заносили конверты в нужные кабинеты.

Коррумпированные чиновники, закрывавшие дела за наличку и покупавшие квартиры в центре на зарплату в сорок тысяч. Судьи, бравшие взятки и выносившие оправдательные приговоры тем, кто должен был гнить до конца своих дней. Те, чьи жертвы давно сгнили в земле или, что хуже, до сих пор живут с этим грузом. Ломаются, пьют, вешаются в собственных ваннах.

Справедливости не существует. Есть только система, и эта система сломана по всем швам. Я всего лишь чиню её теми инструментами, которые есть под рукой. Молотком и зубилом. Топором и верёвкой. Хлороформом и крепкими руками. Плевать, кто там что умное сказал про неизбежность наказания. Это правда - горькая, вонючая и липкая, как кровь из горла. И я стал этой правдой. Я не псих. Я не получаю удовольствия от убийства. Для меня это работа. Грязная, вонючая работа, которую никто другой делать не хочет. Мне не нравится смотреть в глаза, когда гаснет жизнь. Я не кончаю от этого, не прокручиваю потом в голове. Но я не отворачиваюсь. Потому что это - момент истины. Момент, когда палач и жертва встречаются. Никто из них не выйдет из этой комнаты прежним. Даже если я промахнусь - а я не промахиваюсь.

Иногда я думаю: а чем я лучше их? Я тоже убиваю. Я тоже решаю, кому жить, а кому умереть. Я играю в Бога, не имея на это никакого права. Разница только в том, что я выбираю правильно. Я проверяю месяцами. Я изучаю их

жизнь до последнего чека из магазина, до последней переписки в мессенджере, до последнего вздоха их жертв. Я ношу в голове их лица, их имена, их грехи. И я не ошибаюсь.

Пока не ошибался.

Но сегодня всё будет по-другому. Сегодня я иду за тем, кто заказал убийство подполковника Сергея Дуброва двадцать пять лет назад. Сегодня я иду за Геннадием Степановичем Волковым, начальником Управления собственной безопасности ГУ МВД по Санкт-Петербургу. Бывший генерал-майор, сейчас важная шишка в политике. Неприкасаемый. Человек, у которого охраны больше, чем у президента небольшой африканской страны. Человек, который не выходит на улицу без бронированного «Мерседеса» с пуленепробиваемыми стёклами и двух машин сопровождения с вооружёнными оперативниками. Человек, который уже двадцать пять лет спит спокойно. Который не помнит лица Дуброва. Который, может быть, даже не помнит, что отдал тот приказ. Для него это была просто рабочая необходимость. Ещё одна галочка в отчёте. Ещё одна бумажка, подписанная и забытая.

Сегодня ночью я выхожу на охоту. Не ради мести. Ради той самой справедливости, которой нет в этом городе, в этой стране, в этой системе. Я не знаю, станет ли легче, когда Волков умрёт. Дуброва это не воскресит. Но, может быть, кто-то другой, кто сейчас смотрит на таких, как Волков, с бессильной злостью, поймёт: возмездие возможно.

Оно приходит не от закона. Оно приходит от меня.

Смерть. Смешное слово в моих устах, да? Я слышу, как оно отдаётся эхом в пустоте внутри. Холодной, звенящей пустоте, которую я ношу в себе семнадцать лет. С того самого вечера. С того момента, как несколько ударов топора остановили сердце моего отца.

Я смотрю на часы.

Старые, на потёртом кожаном ремешке. Таких очень много, наверное, у каждого второго, последнее что осталось у меня от моей матери.

Я ношу эти часы до сих пор. Ремешок потёрт до белизны на сгибе, стекло в мелких царапинах, механизм иногда врёт минут на пять. Но я их не снимаю. Это единственное, что осталось от того короткого времени, когда у меня была семья. Не та, где орут и бьют посуду по ночам. А та, где пахло пирогами и мать улыбалась по-настоящему. Не той улыбкой, которой улыбаются, когда боятся. А просто так.

Косуха сидит как влитая. Я носил её столько раз, что она стала моей второй кожей. Чёрная, потёртая на локтях до белых ниток, с длинной царапиной на левом плече. Громов, первая жертва, тогда попытался вырваться. Его коготь - длинный, жёлтый, похожий на коготь старой птицы - зацепил кожу, распорол её. Я не стал зашивать. Это «шрам». Напоминание о том, что даже идеальный план может дать трещину. Что даже в смерти нельзя расслабляться. Берцы разношены до идеала, подошва стёр-

та с левой стороны сильнее, чем с правой. Я всегда ставлю левую ногу вперёд, когда замахиваюсь для удара. Смещение центра тяжести, меньше шансов поскользнуться на крови. Маленькая деталь, въевшаяся в мышечную память.

Перчатки плотно облегают пальцы, не сковывая движений - тонкая чёрная кожа, куплены были на Удельном рынке за тысячу двести рублей. Продавица, тётка с прокуреным голосом и красными воспалёнными глазами, смотрела странно, но вопросы задавать не стала. Ей было насрать. Ей платили за товар, а не за мораль. Шлем - старый, с тонированным забралом и трещиной на левом виске, которая пошла ещё от отца, когда он уронил его с полки в гараже, задев локтем в пьяной драке. Он пролежал там семнадцать лет, покрываясь пылью и паутиной, прежде чем я достал его и надел в ту ночь, когда убил Громова. Он пахнет пылью и чем-то ещё - чем-то неуловимым, что я не могу определить до сих пор. Может быть, временем. Может быть, смертью. Может быть, памятью о человеке, который заслуживал лучшей участи, чем стать алкоголиком.

Я смотрю на своё отражение в зеркале заднего вида старой «Ямахи», припаркованного в гараже, который стоит соседнем дворе. Чужое лицо. Чужие глаза. Тонированное забрало скрывает всё, что можно было бы опознать. Скулы, разрез глаз, шрам над левым глазом, который досталась мне от отца, который почти вечно находился в «пьяном угаре». В этой чёрной маске я никто. Я - Байкер.

- Пора, - говорю я вслух, и голос под шлемом звучит глухо, металлически. Не мой голос.

Мотоцикл заводится с полуоборота. Старый мотоцикл «Ямаха FZ6N», который я перебрал своими руками, вложив в него полгода вечеров и кучу денег. Он - свидетель первого убийства. Он помнит запах крови Громова, который я не мог отмыть с рук трое суток. Двигатель ревёт, разрывая тишину спального района. Где-то на пятом этаже загорается окно, чей-то пьяный голос орёт из форточки: «Заткнись, козёл! Выспаться не дадут, уроды!» Я не обращаю внимания.

Звук двигателя раскалывает ночную тишину - громкий, хищный, узнаваемый. Мой почерк. Моя подпись. Каждый раз, когда я уезжаю с места преступления, я даю газу так, чтобы меня слышали. Чтобы знали: Байкер был здесь. Байкер ушёл. Байкер вернётся. Не ради славы. Ради страха. Страх - лучшее оружие. Он живёт дольше, чем пуля.

Байкер выезжает на охоту.

Ночь принимает меня в свои объятия. Холодные, мокрые, воняющие выхлопными газами и сыростью. Я наслаждаюсь этим, как первой затяжкой после долгого воздержания. Впереди - Волков. Позади - всё, что было. И только тишина. И пустота. И нож в рукаве.

Я не знаю, вернусь ли. Не знаю, что будет завтра. Знаю только одно: через три дня я должен быть в ЗАГСе. Сабрина ждёт. И я дал себе слово - после Волкова больше никаких

убийств. Только семья. Только дом. Только тишина. Но сегодня - последняя ночь Байкера. Сегодня я забираю генерала. А завтра начнётся другая жизнь. Хотя. Посмотрим.

Глава 1. Тени прошлых дел

Утро в Санкт-Петербурге вносило суматоху в будни сотрудников Отдела информационных технологий и кибербезопасности.

Солнце - если это можно было назвать солнцем - пробивалось сквозь плотную завесу облаков, которая висела над городом девять месяцев в году, как мокрая серая простыня. Оно не грело, не радовало, только лениво золотило шпили Петропавловки и купола Исаакия, отражалось в грязных окнах офисных зданий и медленно выползающих из метро троллейбусов, разбрызгивая жидкий свет по лужам. Город просыпался неохотно, с бодуна, как хронический алкоголик, который знает, что сегодня ему снова придётся идти на ненавистную работу.

Вячеслав Космачёв вошёл в отдел ровно в 8:45. Ни минутой раньше, ни минутой позже - за пять лет работы он выработал этот ритм до автоматизма, до состояния физиологического рефлекса, когда организм сам знает, когда надо открыть глаза, когда встать, когда выйти из дома, когда нажать кнопку домофона и пропустить вперёд вечно спешащую куда-то консьержку с первого этажа. Этот

ритм стал его броней, его способом не думать о том, что происходит по ночам. Порядок в мелочах помогал сохранять порядок в голове. Или хотя бы иллюзию порядка.

На нём были чёрные джинсы - обычные, без бренда, купленные два года назад в стоке за полторы тысячи, уже вытертые на коленях и чуть великоватые в поясе, потому что за последние полгода он похудел на пять килограммов без всяких диет. Просто нервы, просто бессонные ночи, просто постоянное напряжение, которое сжигает калории быстрее любого фитнеса. Он ловил себя на мысли, что когда-то, в институте, он был шире в плечах и тяжелее на двадцать килограммов - просто от нормальной еды и нормального сна. Теперь он выглядел как натянутый канат: жилистый, сухой, с резко очерченными скулами и тенями под глазами, которые не скрывал даже вечный питерский полумрак.

Свободная чёрная водолазка с вытянутыми рукавами, которые он вечно закатывал до локтя, открывая запястья с тонкой кожей и синими прожилками вен. Под водолазкой - простая белая футболка, которую он менял раз в два дня, потому что по ночам просыпался в холодном поту, и футболка пропитывалась запахом страха - не его страха, а тех, кого он убивал. На ногах - удобные кроссовки «Strobbs», чёрные, с тёмно-серой подошвой, купленные ещё в первый день его стажировки в отделе и чудом дожившие до сегодняшнего дня. Подошва стёрлась с левой стороны - он всегда ставил левую ногу вперёд, когда начинал замахиваться для уда-

ра. Это было незаметно для посторонних, но он знал. Он знал каждую царапину на своих вещах, каждый след, каждую память.

Никаких галстуков, пиджаков, официоза. Только часы на левом запястье — старый кожаный ремешок, потёртый до белизны. Мать подарила их за год до смерти, сказав: «Носи, сын. Пусть время работает на тебя». Тогда он не подозревал, какой работник из времени. Но он всё равно не снимал их — привычка, память, талисман, в который не верил, но выбросить не мог. Иногда ему казалось, что стрелки движутся назад, отсчитывая время до того вечера, когда всё закончилось.

Простой, неприметный парень, каких в любой конторе пруд пруди. Удобная одежда для долгого сидения за компьютером — вот и весь дресс-код. Никто не смотрел на него дважды. Никто не запоминал его лица. Он был как табуретка в углу — все знают, что она есть, но никто не помнит, как она выглядит. И это было идеально.

В холле первого этажа уже кипела жизнь. Охрана проверяла пропуска - Колян, начальник охраны, бывший ментовский полковник с красной рожей и вечно недовольным взглядом, сидел в своей стеклянной будке и пил чай из огромной кружки с надписью «Лучшему менту Петербурга». Судя по цвету жидкости, чай был с коньяком. Судя по выражению лица, коньяка пожалели. Колян был из тех, кто пережил девяностые, видел трупы в подворотнях и закрывал глаза

на то, за что сейчас другие получают сроки. Он не задавал вопросов. Он просто пил чай с коньяком и делал вид, что ничего не замечает.

Курьеры в жёлтых и синих куртках таскали коробки с бумагой для принтеров - вечная проблема отдела, где бумага кончалась быстрее, чем заканчивалось терпение у начальства. Один из них, парень лет двадцати с прыщавым лицом и вечно потеющими ладонями, толкнул Вячеслава плечом и даже не извинился. Вячеслав не обратил внимания. Он давно научился не реагировать на такие мелочи. Эмоции - это слабость. Слабость - это риск. Риск - это ошибка. А ошибка в его деле стоила жизни.

Секретарши бежали с пластиковыми стаканчиками кофе из автомата, который стоял в углу и плевался кипятком через раз. Автомат был старым, ещё с девяностых, пережил перестройку отдела, дефолт и две реформы местного самоуправления. Его чинили, кляли, молились на него, но он продолжал работать - плохо, с перебоями, но работал. Как и вся система. Как и сам Вячеслав.

Он махнул рукой Коляну - тот кивнул в ответ, не отрываясь от кружки, - и прошёл к лифту. Лифт в здании был старый, советский, с облезлыми кнопками и дверями, которые закрывались с таким грохотом, будто сейчас развалятся. Он работал через раз, и сегодня, судя по всему, был как раз тот самый «через раз». Внутри пахло мочой, дешёвыми сигаретами и ещё чем-то сладковатым - может

быть, чьими-то духами, а может, разлагающейся проводкой. Вячеслав нажал кнопку четвёртого этажа. Кнопка противно пискнула и загорелась тусклым жёлтым светом.

Лифт дёрнулся, заскрежетал и пополз вверх, раскачиваясь из стороны в сторону, как пьяный матрос.

- Космачёв, здоров! - окликнул его кто-то сзади, когда двери лифта уже начали закрываться.

Вячеслав машинально сунул руку в щель, раздвигая створки. Он обернулся. Миша Кротов, системный администратор, вечный второгодник жизни, с вечно сальными волосами, падающими на лоб, на половину расстёгнутой рубашкой, которая была ему чуть ли не мала, и пятном от кофе на футболке с надписью «I'm not arguing, I'm just explaining why I'm right», бежал к нему, размахивая руками, как ветряная мельница крыльями. На ногах у Миши были странные сандалии с носками - предмет вечных шуток в отделе, на которые Мише было глубоко плевать. Он был из тех, кто живёт в своём мире - мире серверов, кода и нейросетей, - и реальность вторгается туда только в виде кофе и дедлайнов.

- Ты бы бежал побыстрее, - сказал Вячеслав без улыбки.
- Лифт - говно.

- Я знаю, я знаю! - Миша влетел в кабину, едва не споткнувшись о порожек, и навалился плечом на стену, тяжело дыша. От него пахло потом и жареными пирожками - видимо, завтракал на ходу в ларьке у метро. Не удивительно,

даже Вячеслав иногда туда заходил, за пирожком с вишней.
- Слышал новость? У нас новое дело! Говорят, там такие
схемы, закачаешься!

- Какие схемы? - спокойно спросил Вячеслав, нажимая
кнопку закрытия дверей. Лифт не реагировал. Он нажал
ещё раз. Тоже ничего. Пришлось ждать, пока створки сами
соизволят сомкнуться. Это всегда вызывает лёгкое раздра-
жение.

- Не знаю, но Дима из первого отдела сказал, что там за-
мешаны какие-то шишки из комитета по градостроитель-
ству. - Миша понизил голос до заговорического шёпота,
хотя в лифте, кроме них, никого не было. - Типа, земельные
участки, откаты, фирмы-однодневки на Кипре. Там такие
суммы! Миллиарды, Слава! Миллиарды!

- В этой стране все суммы - миллиарды, - ответил Вя-
чеслав, глядя на табло этажей. - Разница только в том, у
кого в кармане.

- А я как раз новую программу для анализа написал! - Ми-
ша засветился, как лампочка. - Хочешь покажу? Она на пи-
тоне, с использованием нейросетей, там такие алгоритмы
классификации данных - мама не горюй! Я её на старых де-
лах тестировал - она выявляет связи, которые обычный по-
иск не видит. Транзакции, пересекающиеся счета, IP-адре-
са, которые логически не должны пересекаться, но пересе-
каются. Это как скальпель, Слава. Как ебанный скальпель!

- Потом, Миш, - сказал Вячеслав, и в его голосе не было

злости, только усталость. - Сначала кофе. Да и к тому же, - он слегка ухмыльнулся. - Ты же знаешь, что я не принимаю «путхон» как язык программирования. - Сказал Вячеслав с лёгкой насмешкой.

- Ах да, кофе, кофе, - закивал Миша, будто вспомнил что-то важное. - Эй! - Вячеслав слегка посмеялся. - У тебя же своя термोकружка. - сказал Миша- Ты принципиальный. Я уважаю. Мне вот всё равно - то, что тут кофе такой себе. Зато бесплатный, - произнёс он с глупой улыбкой.

Лифт наконец остановился на четвёртом этаже. Двери разъехались с протяжным скрипом, открывая вид на длинный коридор, залитый мертвенно-белым светом люминесцентных ламп. Лампы мерцали с частотой пятьдесят герц - незаметно для глаза, но мозг чувствовал, и к вечеру у некоторых сотрудников начинала раскалываться голова. Вячеслав привык. Он ко всему привыкал.

На четвёртом этаже пахло озоном, нагретой техникой и кофе - вечная смесь офисной жизни, вьезившаяся в стены, в ковролин, в потолочные плитки, в лёгкие, в кровь. Коридор отдела ИТ был узким и длинным, с дверями по обе стороны, на которых висели таблички с фамилиями и должностями. В конце коридора, за толстой металлической дверью, гудел серверный зал - сердце всего управления, которое Вячеслав знал лучше, чем свою квартиру. Он знал каждый вентилятор, каждый жёсткий диск, каждый патч-корд. Если бы серверный зал был живым существом, Вячеслав был бы его

кардиологом.

Двери в кабинеты были распахнуты, слышались голоса, смех, звуки клавиш, матюги -обычное утро обычного отдела. Кто-то спорил о футболе, кто-то жаловался на зарплату, кто-то травил анекдоты про начальство. Вячеслав шёл по коридору, и его шаги были ровными, бесшумными, как у кошки. Он ни с кем не здоровался первым - только кивал в ответ, если здоровались с ним. Это не было высокомерием. Это было экономией энергии. Он берёт свои силы для того, что происходило после полуночи.

Он толкнул дверь своего кабинета. Тринадцатый кабинет - номер, который Марина называла «чертовой дюжиной» и каждый раз крестилась, входя. Она была суеверна до идиотизма - не потому, что верила, а потому что так делала её бабка, а бабку она уважала. Вячеславу было всё равно. Тринадцатый так тринадцатый. Числа не убивают людей. Люди убивают людей.

- Доброе утро, Марина, - сказал он, проходя к своему столу и бросая рюкзак на пол рядом с креслом.

Марина Ковальчук, старший специалист, женщина под сорок с вечно взлохмаченными волосами и сигаретой в зубах (хотя курить в здании было нельзя, но кто проверит? Пожарная инспекция приходит раз в год, и то предупреждают за неделю), оторвалась от монитора. На экране у неё был открыт «ВКонтакте» - судя по всему, она смотрела фотки племянника, который накануне устроил дома филиал ха-

керской лаборатории. Фотки были кривыми, смазанными, с красными глазами на пол-лица, но Марина смотрела на них с такой нежностью, будто это были шедевры мирового искусства.

- Ой, Слава, даже не спрашивай! - она закатила глаза, но улыбалась одними губами - той улыбкой, которой улыбаются люди, когда хотят показать, что всё в порядке, но на самом деле всё не очень. - Племянник приехал, студент. Устроил из квартиры филиал хакерской лаборатории. Я три дня вылавливала провода из-под дивана. Вчера нашла в ванной серверную стойку. В ванной, представляешь? Там же сырость, вода, а он эту хрень поставил прямо рядом с унитазом!

- Да ладно, - усмехнулся Вячеслав, ставя свою термокружку на стол. Кружка была обычная, металлическая, купленная в «Спортмастере» за триста рублей. В офисной кофеварке была бурда, он принципиально её не пил - после того как однажды нашёл там плавающий волос, перешёл на свой кофе. Кофе он приносил с собой в термосе - чёрный, крепкий, без сахара. Он пил его таким уже лет десять, с тех пор как понял, что сахар затуманивает мозги и замедляет реакцию. В его деле каждая миллисекунда на счету.

- Я ему говорю: «Ты охренел? А воду где включать?» - Марина выпустила дым в открытую форточку, которую держала открытой всегда - зимой мёрзла, но курить было надо. - А он мне: «Тётя Марина, это же охлаждение, самый

сок! Естественное охлаждение серверного оборудования!» Я его чуть этой стойкой не прибила. Еле оттащила. И знаешь, что самое смешное? Он потом два дня ходил и доказывал мне, что в теории это возможно. Что если герметизировать корпус и использовать воду с высокой теплоёмкостью, то можно охладить сервер даже в ванне. Я говорю: «Максим, в теории ты прав. А на практике у тебя материнка зальётся, и ты будешь покупать новую». Он обиделся. Не разговаривал со мной два дня.

- Зато теперь у тебя личный системный админ, - усмехнулся Вячеслав, откручивая крышку термобутылки. Пар пошёл из горлышка, и запах арабики смешался с запахом офиса, создавая странную, но уютную смесь. - Бесплатный. - подметил Вячеслав, перед тем как сделать первый глоток «жизни».

- Бесплатный - это который сам ест за троих и просит денег на «железо», - фыркнула она, туша сигарету о край пластикового стаканчика, служившего ей пепельницей. - Вчера за ужином начал рассказывать про какие-то нейросети, про глубокое обучение, про то, как можно обучить сеть распознавать котиков на фотках. Я через пять минут перестала понимать русский язык. Пришлось сказать, что у меня голова болит, лишь бы заткнулся. А у тебя как? Сабрина не жалуется?

- На что? - спросил Вячеслав, делая ещё один глоток кофе. Горячо. Обжигаяще. Хорошо.

- На то, что ты в своей IT-шной берлоге пропадаешь. Книжки, кот, тишина. Она-то живой человек, ей общение нужно.

- Сабрина - взрослый человек, - ответил Вячеслав, не глядя на Марину. Он смотрел на монитор, который медленно просыпался, загораясь синим светом. - Она понимает. У нас каждый занят своим делом.

- А любовь? - Марина прищурилась. - Романтика? Цветы, кино, прогулки под луной?

- Луны в Питере не видно из-за облаков, - сухо ответил Вячеслав. - А романтика - это когда тебя не убивают во сне. Марина поперхнулась дымом, закашлялась.

- Ты иногда такое выдаёшь, Слава. Я прям не знаю, шутишь ты или серьёзно.

- И то, и другое, - ответил он, и в его голосе не было ни шуточки, ни серьёзности. Только пустота. Всё та же холодная, звенящая пустота внутри, которую он научился прятать за маской нормальности.

Он сел за свой стол, отхлебнул ещё кофе и посмотрел на три монитора, которые стояли полукругом - один для работы с базами, второй для терминала, третий для мониторинга сети. Мониторы были старыми, с толстыми рамками и едва заметным мерцанием, но Вячеслав привык к ним. Он знал, какие цвета выдают искажения, какой угол обзора самый точный, где появляются битые пиксели. Он знал своих железных союзников так же хорошо, как знал себя.

Системный блок под столом гудел ровно, как пчелиный

улей - Вячеслав собрал его сам два года назад, вложив в него около двух ста тысяч рублей. Материнская плата с разогнанным чипсетом, процессор Intel Core i9, 64 гигабайта оперативной памяти, три видеокарты NVIDIA RTX, объединённые в SLI, и система жидкостного охлаждения, которую он спаял сам из трубок, радиаторов и помпы, купленной на AliExpress. Всё это хозяйство стояло в специальном корпусе с шумоизоляцией, потому что Вячеслав ненавидел лишние звуки. Только ровный, гипнотический гул вентиляторов, который успокаивал его лучше любых таблеток.

Для постороннего взгляда это была просто мешанина нулей и единиц на экранах, но он видел в них живую ткань города — потоки денег, передвижения людей, скрытые связи, которые не видны обычному глазу. Он умел читать этот код. И использовать его. Как топор. Как мотоцикл. Как шлем.

В компьютерном коде, как в человеческой душе, всегда есть слабые места. Брешы в защите, незакрытые порты, забытые пароли. Вячеслав научился находить их ещё в университете, когда взламывал сервера преподавателей, чтобы исправлять свои оценки по программированию. Тогда это была игра, способ доказать себе, что он умнее других. Потом - способ заработка, когда он брал заказы на форумах и за тысячу-другую пробивал базы данных для тех, кто плохо умел это делать сам. Теперь это стало инструментом. Оружием. Скальпелем.

Он открыл окно терминала и запустил несколько скриптов собственного производства. Чтобы их разрешили использовать, ушло очень много времени, сил, и бумажной волокиты. Но оно того стоило.

Первый мониторил сетевой трафик в реальном времени, выискивая подозрительные соединения - аномалии, которые могли говорить о взломе или утечке данных. Он написал его на Python, используя библиотеку Scapy для захвата пакетов и Pandas для их анализа. Программа отрисовывала график активности в реальном времени, и Вячеслав видел, как сеть живёт своей жизнью: пики, провалы, необъяснимые всплески, которые он потом проверял вручную.

Второй скрипт анализировал логи доступа к закрытым базам данных - кто, когда и зачем лез туда, куда не следовало. Логи хранились на отдельном сервере, который никто не проверял годами, и Вячеслав имел к нему доступ через бэкдор, оставленный ещё его предшественником - парнем по фамилии Соколов, который уволился три года назад и никому не сказал, что оставил чёрный вход.

Третий - его гордость, программа под названием «Тень» - позволял незаметно проникать в любые системы, оставляя за собой ложные следы, уводящие в тупик. «Тень» работала как прокси-цепочка из нескольких десятков серверов по всему миру, каждый из которых передавал запрос следующему, а последний отправлял его на целевой ресурс. Логи чистились каждые пять минут, IP-адреса подменялись, пользователь-

ские агенты менялись - «Тень» была невидимкой, о которой никто не знал. Вячеслав писал её полгода, переписывал три раза и до сих пор находил баги, которые исправлял по ночам, когда Сабрина спала.

Четвёртый - «Следопыт» - собирал данные из открытых источников и сопоставлял их с закрытыми базами, выдавая полную картину на любого человека в городе. Имя, возраст, адрес, родственники, судимости, долги, автомобили, социальные сети, привычки, друзья, враги. «Следопыт» был его цифровым скальпелем - он вскрывал человеческую жизнь и раскладывал её на составляющие, как патологоанатом раскладывает органы. Семь трупов - семь вскрытий. И ни одной ошибки.

Пальцы забежали по клавиатуре. Код поплыл перед глазами - строки, функции, циклы, условия. Он мог писать это с закрытыми глазами, мог читать код как книгу, мог находить ошибки на слух - по звуку, с которым вентиляторы реагировали на нагрузку. Когда система работала неправильно, вентиляторы начинали гудеть чуть громче, чуть настойчивее, будто жалуясь на боль. Вячеслав слышал эту боль и лечил её - строкой кода, перезагрузкой сервера, а иногда и просто перезапуском скрипта. Компьютеры были проще людей. Компьютеры не врал.

В этот момент в кабинет вошёл начальник отдела, Игорь Сафонов. Пятьдесят три года, седина на висках, усталые глаза человека, который слишком много видел и

слишком мало забыл. Форма сидела на нём мешком, хотя когда-то, говорят, была подогнана по фигуре - в те времена, когда он ещё верил в службу, в справедливость, в то, что можно что-то изменить. Теперь он верил только в таблетки от давления и в то, что рано или поздно всё это дерьмо кончится. В руках - неизменная папка с гербовой печатью, затёртая по краям до белизны, с пятнами от кофе и жира на обложке.

- Космачёв, - сказал он негромко, останавливаясь у стола. Голос хриплый, прокуренный до невозможности, с вечной одышкой, которая появилась у него лет пять назад и с тех пор только усиливалась. Он говорил так, словно каждое слово давалось ему с трудом, будто он выталкивал их из лёгких вместе с дымом и мокротой. - Сегодня поступил запрос от оперативников по новому делу.

Он бросил папку на стол. Та шлепнулась с глухим звуком, подняв микроскопическое облачко пыли. Вячеслав заметил, что угол папки был надорван, а одна из скрепок, скреплявших листы, вылезла и торчала в сторону, как маленький металлический язык.

- Нам понадобится твоя помощь с аналитикой, - продолжил Сафонов, садясь на свободный стул и потирая переносицу. Он делал так всегда, когда уставал или когда хотел скрыть напряжение. - Надеюсь, ты справишься.

- Конечно, Игорь Викторович, - ответил Вячеслав, поднимая глаза. Лицо - маска приветливости, за которой ничего

не видно. Ни эмоций, ни мыслей, ни чувств. Только пустота.
- Приступаю прямо сейчас. Что за дело?

- Чиновник один, Абабков. Владислав Аркадьевич. - Сафонов поморщился, словно вспомнил что-то неприятное или съел что-то кислое. - Нашли в квартире с дырой в башке. Ни свидетелей, ни улик, но в компе у него - километры переписок с каким-то малолетним хакером, Петровым Максимом. Твоя задача - пробить связи, найти, куда эти переписки вели, и кто ещё мог в этом участвовать. Чтобы опера имели хоть какую-то зацепку, а не тыкались, как слепые котята в миску с молоком.

- Сделаем, - кивнул Вячеслав, беря папку в руки. Бумага была шершавая, пахла канцелярией и пылью архивов. Он любил этот запах. В нём было что-то успокаивающее - запах информации, которую можно обработать, систематизировать, превратить из хаоса в порядок. - Материалы в папке?

- В папке. - Сафонов помялся. Стоял, перебирая пальцами край папки, словно решаясь на что-то. Марина делала вид, что очень занята отчётом, но уши торчали в их сторону, как локаторы ПВО. Она даже сигарету не зажгла, чтобы не шуметь. Сафонов помолчал, глядя в окно, за которым медленно ползли серые облака, цепляясь за шпили и карнизы. Облака были низкими, тяжёлыми, и казалось, что они вот-вот упадут на город и раздавят его своим весом.

Он развернулся и вышел, тяжело ступая, оставив за

собой запах табака и какой-то безысходности, которая въелась в него так же глубоко, как никотин въедается в лёгкие. Дверь за ним закрылась с тихим стуком, и в кабинете повисла тишина - такая густая, что можно было резать ножом.

Марина проводила начальника удивлённым взглядом и тут же подлетела к Вячеславу на стуле с колёсиками - так быстро, что чуть не врезалась в угол стола. Колёса жалобно закрипели, и Марина выругалась сквозь зубы, но не остановилась.

- Что это с ним? - шепнула она, хотя Сафонов уже скрылся за дверью кабинета. Её глаза были широко раскрыты, в них читалось искреннее недоумение. - Он что, заболел? Или у него крыша поехала на старости лет? Может, давление подскочило? У него всегда с давлением проблемы. А тут ещё этот московский ревизор на горизонте...

- Не знаю, - ответил Вячеслав, раскрывая папку. Он пробежал глазами по бумагам, погружаясь в работу.

В досье Абабкова ничего интересного на первый взгляд не было. Владислав Аркадьевич Абабков, пятьдесят четыре года, комитет по градостроительству и архитектуре. Найден в собственной квартире на Литейном проспекте. Причина смерти - пулевое ранение в голову, предположительно из пистолета Макарова. Два выстрела - контрольный в висок. Профессионально. Холодно. Ни свидетелей, ни камер, ни отпечатков. И только переписки с неким Максимом Петро-

вым - хакер-недоучка, девятнадцать лет, отчислен из ИТМО, подрабатывает взломом баз данных.

Вячеслав включил дополнительный монитор, открыл защищённую базу. Доступ к ней был только у начальников отделов и сотрудников с допуском «совершенно секретно», но Вячеслав нашёл брешь ещё на второй неделе работы - через уязвимость в системе авторизации, которую оставил программист, уволенный за пьянство. Система была дырявой, как решето. Он вбил имя: Петров Максим Андреевич.

Система задумалась на секунду - и выдала результат.

Максим Андреевич Петров, девятнадцать лет. Место рождения: Санкт-Петербург, родильный дом №9 на Васильевском острове. Образование: неполное высшее, отчислен со второго курса ИТМО за академическую неуспеваемость. Два года назад проходил по делу о сливе персональных данных чиновников, отделался штрафом в 65 000 рублей - родители заплатили. Адрес регистрации: Лиговский проспект, дом 124, квартира 47.

IP-адреса, ники на форумах, посещаемые ресурсы. Родители: мать-директриса в обувном магазине, отец-работал директором школы, умер, когда Максиму было двенадцать. Социальные связи: не женат, детей нет, друзья - в основном по старым хакерским форумам. Последние полгода резко повысил уровень жизни - новые комплектующие для компьютера, дорогие гаджеты, брендовая одежда. Источник дохода неясен. Банковские карты - три штуки, на всех нули, но в

кэши - около полумиллиона рублей, снятых в разных банкоматах города в течение последних трёх месяцев.

Вячеслав закрыл файл и откинулся на спинку кресла. Кресло жалобно скрипнуло - старое, с продавленным сиденьем и подлокотниками, стёртыми до дыр. Девятнадцать лет. Сопляк. Должен был в университете учиться, девушку искать, жизнь строить, пиво пить с друзьями. А он уже два года на побегушках у тех, кто платит. Получает деньги за то, что помогает чиновникам прятать концы в воду. Знает ли он, на кого работает? Понимает ли, чьи деньги получает? Догадывается ли, что этими деньгами пахнет кровь? Или ему всё равно - лишь бы платили?

Вячеслав знал ответ. Ему всё равно. Девятнадцатилетние считают себя бессмертными. Они не верят, что кто-то может прийти и забрать их жизнь так же легко, как они забирают чужие деньги. Они не знают, что система, которую они обслуживают, работает не только на них, но и против них. Они не видели, как умирают люди. Он видел. Семь раз.

- Увлёкся? - Марина заглянула через плечо. - Ты уже час не моргаешь. Сидишь как статуя. Я уж думала, ты уснул с открытыми глазами.

- Анализирую, - коротко ответил Вячеслав, закрывая вкладку с досье Петрова.

- Аналитик ты наш, - она поставила перед ним чашку с офисным кофе. Коричневая жидкость плескалась в plasti-

ковом стаканчике, на поверхности плавали какие-то непонятные комочки. - Вот, пей. А то совсем осунулся. Мешки под глазами - как у Сафонова. Жених, называется. Сабрина, наверное, уже жалеет, что за тебя замуж собралась.

- Спасибо, - он взял чашку, сделал глоток. Бурда, конечно, но тёплое пошло лучше, чем никакого. Врачи говорят, кофе вредно. Но до свадьбы ещё неделя - можно не слушаться.

- На здоровье. - Марина помедлила, явно собираясь с духом. Села на край его стола, чуть не сдвинув клавиатуру, и положила руки на колени. - Слушай, Слава, у тебя всё в порядке? Ты в последнее время какой-то... отсутствующий. Будто здесь сидишь, а сам где-то там, в космосе. И Сабрина вчера звонила, спрашивала, не знаю ли я, что с тобой. Я сказала, что не знаю. Но она не поверила. Она вообще редко верит, когда я говорю, что не знаю.

Вячеслав внутренне напрягся. Сабрина звонила Марине? Это было ново. Она никогда не лезла в его работу, никогда не спрашивала коллег. Значит, она действительно волновалась. Сильнее, чем показывала. Он вспомнил вчерашний вечер: Сабрина долго смотрела на него, потом спросила: «Ты что-то скрываешь?» Он ответил: «Нет». Она не поверила, но не стала допытываться. Только сказала: «После свадьбы я хочу знать всё. Обещай». Он обещал. Ложь. Снова ложь.

- Работы много, - он пожал плечами, не глядя на неё. - Свадьба через неделю. Нервы.

- Работы всегда много, - отрезала она. - Я не про работу. Я про тебя. - Она смотрела на него с каким-то материнским беспокойством - тем взглядом, которым смотрят на детей, когда чувствуют, что с ними что-то не так, но не могут понять, что именно. - Ты как будто всё время думаешь о чём-то другом. Даже когда улыбаешься - глаза пустые. Мёртвые глаза, Слава. Как у рыбы на прилавке. Я таких глаз у живых людей не видела никогда. Только у покойников в морге, когда я туда за документами ездила. И то у некоторых взгляд осмысленнее был.

Вячеслав поднял на неё взгляд. Холодный, ровный, без единой эмоции. Ледяной. Он смотрел так специально - чтобы она отстала. Он знал, что это работает. Люди не выдерживают пустоты. Они отводят глаза, съёживаются, отступают.

- Всё хорошо, Марин. Правда. Не парься.

Она не поверила. Это читалось в её глазах - в том, как дрогнули зрачки, как напряглись мышцы лица, как она закусила губу, сдерживая вопрос. Но кивнула и отошла к своему столу, тяжело вздохнув.

- Ну смотри, - буркнула она, утыкаясь в монитор. - Если что - мы рядом. Мы ж команда. - И добавила тише, почти про себя: - Команда, блин.

Марина - хороший человек. Она не заслуживает лжи. Но правду я не могу сказать никому.

Даже себе.

Особенно себе.

Глава 2. Первая кровь

Двенадцать лет спустя после убийства отца. Два года назад от текущего момента

Первое убийство он планировал три месяца.

Не потому, что боялся. Бояться он разучился ещё в первой квартире, когда вызывал полицию и понимал, что обратной дороги нет. И не потому, что сомневался - сомнения были убиты за те двенадцать лет, что он сдерживал клятву, данную себе в семнадцать: «Никогда больше». Три месяца ушли на другое: на идеальную чистоту, на безупречную механику, на то, чтобы никто - ни соседи, ни полиция, ни случайный свидетель - никогда не связал его с этим. Никогда. Даже если придут с обыском и перевернут квартиру вверх дном. Даже если будут допрашивать с пристрастием. Даже если кто-то из его жертв успеет крикнуть перед смертью. Он не собирался становиться очередным маньяком из новостной ленты, которого ловят на первой же ошибке. Он собирался стать призраком.

Двенадцать лет он сдерживал клятву. Двенадцать лет он жил двойной жизнью - днём примерный студент, потом прилежный программист, ночью - человек, который прокручивал в голове тот вечер в, когда его руки впервые стали мокрыми от чужой крови. Он не чувствовал вины. Вина - это раскаяние в содеянном, сожаление, желание повернуть

время вспять. А он не раскаивался. Он чувствовал только холодную, тягучую пустоту на месте того, что нормальные люди называют совестью. Или, может быть, это и была его совесть, только вывернутая наизнанку, заточенная не на запреты, а на действие.

Вячеслав часто представлял себе, как живут обычные люди. Те, кто никогда не держал в руках нож с чужой кровью. Те, кто просыпается по утрам и первым делом думает о завтраке, о работе, о погоде за окном. Он завидовал им той тихой, почти детской завистью, с которой смотрят на здоровых людей неизлечимо больные. Они не знали, каково это - смотреть в зеркало и не узнавать себя. Не знали, каково это - чувствовать, как внутри просыпается что-то тёмное, голодное, требующее выхода. Они жили в мире, где добро всегда побеждало зло, а справедливость торжествовала в залах судов. Вячеслав давно перестал верить в этот мир. Он видел его изнанку - грязную, вонючую, покрытую ржавчиной и кровью. И он знал, что единственная справедливость, на которую можно рассчитывать, - это та, которую ты создаёшь своими руками.

Толчком стало не геройство и не внезапное озарение. Толчком стала статья в «Фонтанке», которую он прочитал глубокой ночью, сидя на кухне с остывшим кофе. Кот Васька, тогда ещё тощий уличный оборванец с перебитой лапой и вечно голодными глазами, тёрся о его ноги, ища тепла и защиты. Статья была небольшой, на три абзаца, за-

терянная между сводкой происшествий и рекламой пластиковых окон. Но эти три абзаца перевернули в нём всё.

В статье рассказывалось о Викторе Семёновиче Громе, бывшем преподавателе черчения в художественной школе для одарённых детей. Громов дважды получал условно-досрочное освобождение за развратные действия в отношении несовершеннолетних. Судья в решении написал: «За примерное поведение и отсутствие нарушений режима». Вячеслав перечитал эту фразу три раза. «Примерное поведение». Человек, сломавший жизни десятков детей, вёл себя примерно в тюрьме. Не буянил. Не скандалил. Не устраивал бунтов. Ел баланду, улыбался надзирателям, ждал своего часа и, выйдя на свободу, тут же находил новых учеников.

В статье была фотография Громова - размытое, нечёткое изображение, сделанное, видимо, телефоном через окно. Но даже сквозь шум и пиксели Вячеслав видел это лицо. Одутловатое, с заплывшими жиром щеками и маленькими, глубоко посаженными глазами, которые смотрели на мир с выражением сытого, уверенного в себе хищника. У этого человека не было совести. Не было сомнений. Не было ничего, кроме желаний, которые он считал своим законным правом удовлетворять. Система, которую Вячеслав обслуживал каждый день своим кодом, защищая её от внешних угроз, внутри была гнилой до основания. Он чинил антивирусы на компьютере, пока вирус разъедал само здание изнутри. И тогда тьма внутри него, та самая, что проснулась

в тёмной квартире на Петергофском шоссе, прошептала: «Достаточно». Он не стал спорить. Он начал подготовку.

Виктор Семёнович Громов, пятьдесят три года, бывший преподаватель черчения и рисования в художественной школе № 2 на Петроградской стороне. На пенсию ушёл досрочно - «по состоянию здоровья», как гласила официальная формулировка. На самом деле его тихо попросили после того, как одна из учениц, дочь влиятельного адвоката с нужными связями, пришла домой в слезах и рассказала всё матери. Адвокат тогда пригрозил газетам и прокуратуре, и дело замяли, но Громова уволили. «По собственному желанию», с выходным пособием и подписанным соглашением о неразглашении. Дважды судим, дважды выходил по УДО. Сроки были смешные - три года и четыре года, из которых он отсидел половину. Выйдя на свободу, он даже не сменил район. Остался в Купчино, в той самой хрущёвке, где его знала каждая собака.

Вячеслав изучил его досье в открытых базах. Ничего криминального - обычный пенсионер, получающий минимальную пенсию, иногда подрабатывающий репетитором. «Репетитор». Слово, за которым скрывалась такая мерзость, что у Вячеслава свело челюсть, когда он нашёл объявление на одном из сайтов: «Опытный педагог поможет вашему ребёнку полюбить рисование. Индивидуальный подход, занятия на дому, гарантия результата». Объявление было написано грамотно, даже трогательно - с акцентом на разви-

тие творческих способностей, на важность самовыражения, на бережное отношение к детской психике. Идеальная ловушка для родителей, которые хотели лучшего для своих детей.

Громов жил один в квартире на улице Фучика - типовой хрущёвке с вечно неработающими лифтами, запахом кошачьей мочи в подъезде и облезлыми стенами, которые не красили со времён перестройки. Ни семьи, ни друзей, ни работы. Соседи его ненавидели - после каждой его отсидки во дворе появлялись новые шепотки, новые взгляды, новые матери, которые уводили детей с площадки, когда он проходил мимо. Но боялись связываться открыто - Громов был буйный, скандальный, мог и в морду дать. Старухи в очереди в местной аптеке крестились, когда он заходил. Дворовые собаки, говорят, скалились на него без причины и отбегали в сторону. Животные чувствуют зло. Они не могут объяснить его словами, но интуитивно чувствуют, когда перед ними стоит не человек, а нечто, прикрывающееся человеческой кожей.

Вячеслав потратил первую неделю на то, чтобы изучить его не по документам, а по запаху. Он сидел в машине напротив дома Громова, смотрел, как тот выходит, как возвращается, как тащит пакеты с дешёвыми продуктами. Он запоминал походку - шаркающую, неуверенную, с лёгким наклоном влево. Жесты - как поправляет очки, как почёсывает затылок, как оглядывается по сторонам, будто ждёт, что кто-то нападёт. Голос - хриплый, с похмельным от-

тенком, которым он орал на соседей, если те мешали ему смотреть телевизор. Но физическое наблюдение было только половиной дела. Вторую половину составляла цифровая разведка.

В первую же ночь Вячеслав взломал роутер Громова. Это оказалось до смешного просто: стандартный пароль «admin», не изменённый со дня покупки. Он зашёл в настройки, прописал себе постоянный доступ, установил кейлоггер - небольшую программу, которая записывала всё, что Громов печатал на клавиатуре. Потом залез в его почту - пароль оказался «vitya123», - в социальные сети, на закрытые форумы, где он общался с такими же, как он. Ники у Громова были дурацкие, почти жалкие: «Виктор-Мастер», «Старый_УчитЗль», «РисОвальщик». Но содержание переписок заставило даже выдавшего виды Вячеслава надолго замереть перед экраном.

Он читал сообщения, в которых Громов обсуждал с другими «коллегами» способы подхода к детям, методы ухода от ответственности, схемы, как найти самых беззащитных. Он обсуждал свои «достижения», хвастался, делился фотографиями. Там были ссылки на закрытые ресурсы, где продавались видео, были коды доступа, были имена. В одной из переписок, датированной прошлым годом, Громов писал своему контакту с ником «Серый Волк»: «Присмотри там девочку, 11 лет, родители в разводе, мать работает допоздна. Адрес скину. Она ходит из школы одна, в три часа

дня, через парк. Там камер нет, я проверял». И ему скинули адрес. И он пошёл. И сделал то, что делал всегда. А потом написал на форуме отчёт - сухой, циничный, с деталями, от которых у Вячеслава свело челюсть, а в желудке поднялась кислота. В этом отчёте Громов называл жертву не по имени, а по кличке «Рыжик». Ей было одиннадцать.

Вячеслав перечитал этот отчёт пять раз. Каждый раз он надеялся, что где-то ошибся, что прочитал не то, что его воображение дорисовывает детали, которых нет на самом деле. Но нет. Всё было на месте. Громов описывал, как он выбрал момент, как подошёл, как заговорил, как заманил. Описывал каждое движение, каждое слово, каждую реакцию. Он писал об этом так, будто рассказывал, как чинить кран или красить забор. Без эмоций. Без сомнений. Без намёка на то, что понимает, какое зло творит. Для него это была работа. Или, может быть, охота. Охота, в которой жертва не имела права на защиту.

Вячеслав закрыл ноутбук. Руки не дрожали. Сердце билось ровно. Он чувствовал только пустоту - ту самую, холодную, звенящую, которая поселилась в нём семнадцать лет назад. Но теперь в этой пустоте появилось что-то ещё. Не гнев. Не ненависть. Тихая, ледяная решимость, которая не спрашивает разрешения и не ищет оправданий.

Он умрёт, - подумал Вячеслав, глядя в тёмное окно. - Не завтра, не через неделю. Скоро. Я сделаю это. И никто не узнает.

Он составил психологический портрет: одинокий, озлобленный, уверенный в своей безнаказанности. Параноик, но тупой. Осторожный, но ленивый. Идеальное сочетание для того, кто хочет его убить. Громов был из тех, кто верит, что раз его один раз не наказали по-настоящему, то и впредь всё сойдёт с рук. Такая самоуверенность часто становится последней записью в дневнике. Или последней фразой в жизни.

Камер в подъезде Громова не было. В этом Вячеслав убедился лично, обойдя дом три раза в разное время суток и проверив каждый угол. Дом - типичная хрущоба с обшарпанным фасадом, выбитыми стёклами в подъезде и вечно запертой чёрной лестницей, которую открывали только дворники. Соседи - одни пенсионеры, которые после девяти вечера не высовывали нос из квартир, боялись темноты и хулиганов. Охрана - баба Зина на первом этаже, которая сидела у домофона с вязанием и смотрела сериалы по маленькому телевизору. К девяти вечера баба Зина уже клевала носом, а к десяти её сменял сторож дядя Коля, который спал до утра в своей каморке, притворяясь, что обходит территорию. Раз в час он выходил покурить, но курил быстро, забивая на всё, и возвращался обратно в тепло. Идеальные условия. Слишком идеальные. Как будто сама судьба подталкивала его к этому шагу.

Громов каждую среду ходил в магазин «Пятёрочка» за продуктами ровно в восемь вечера - полчаса туда и обрат-

но. Маршрут был неизменен: из подъезда, мимо детского сада, через арку, мимо гаражей, где обычно собирались местные алкаши, потом через дворы к магазину. Вячеслав проверил это по камерам наблюдения магазина - доступ к ним он получил через уязвимость в системе облачного хранения, которая висела на стандартном пароле `admin/admin`. Через ту же систему он отследил, что Громов покупает: дешёвые пельмени, кефир, бутылку портвейна, иногда - хлеб и колбасу. В восемь тридцать Громов возвращался, нёс пакет, останавливался у ларька, покупал сигареты, потом поднимался к себе. Ровно в девять он выключал свет в комнате и включал телевизор. В час ночи телевизор замолкал - Громов засыпал под бормотание ночных каналов, оставляя экран светиться голубым светом в темноте.

Вячеслав знал его расписание лучше, чем своё собственное. Он знал, что по вторникам Громов ходит в поликлинику за рецептами - таблетки от давления и что-то ещё для желудка. По пятницам - в церковь, ставил свечки и крестился, будто это могло смыть то, что он делал. По воскресеньям он никуда не выходил, сидел дома, смотрел футбол и пил. Вячеслав сидел в машине, смотрел на тускло освещённое окно и ждал. Ждал, когда внутренний голос, который он называл Тьмой, скажет: «Пора». И однажды, в среду, ровно через три месяца после того, как он впервые прочитал статью о Громе, этот голос зазвучал отчётливо и ясно, как приказ.

В ту среду, когда всё должно было случиться, Вячеслав надел чёрные джинсы, тяжёлые берцы, чёрную кожаную куртку-косуху и плотные кожаные перчатки. Всё это он купил в разных магазинах, в разное время, за наличные. Никаких чеков, никаких записей, никаких свидетелей. Один магазин на Парнасе, другой на Купчино, третий в центре - так, чтобы нельзя было отследить маршрут. Берцы он купил у военных на барахолке за наличные, не торгуясь. Продавец - мужик с красным лицом и вечно пьяными глазами - даже не посмотрел ему в лицо, ему было плевать, кто покупает старые кирзовые сапоги. Главное - деньги. Берцы были ношенными, но крепкими, с усиленным носком и высокой шнуровкой. Вячеслав провёл по ним рукой, чувствуя грубую кожу, и подумал, что они уже видели смерть. Может, в Чечне. Может, в Афганистане. Теперь увидят ещё раз.

Косуху он нашёл в секонд-хенде на Лиговке. Она висела на вешалке среди пальто восьмидесятых годов и драповых шинелей, пыльная, забытая. Кожа на локтях была потёрта, молния слегка заедала, но это делало куртку ещё более неприметной. Никаких нашивок, никаких значков, никаких опознавательных знаков. Обычная чёрная косуха, каких тысячи в Питере. Вячеслав надел её - она села как влитая, будто шита на него. В зеркале примерочной он посмотрел на себя и не узнал. В этой куртке он был не Вячеславом Космачёвым, тихим программистом из Василеостровского района. Он был кем-то другим. Кем-то, кто ещё не родился, но

уже готовился сделать первый вдох.

Шлем он нашёл в гараже отца. Старый, с тонированным забралом и трещиной на левом виске. Семнадцать лет он пролежал на верхней полке, покрываясь пылью и паутиной, рядом с ящиком с инструментами, которых никто не касался. Вячеслав долго смотрел на него, прежде чем взять в руки. Провёл пальцем по царапине - откуда она взялась, он не знал. Может, отец упал когда-то. Может, дрался. Может, просто задел обо что-то. Внутри шлем пах пылью и ещё чем-то - чем-то неуловимым, что Вячеслав не мог определить. Может быть, временем. Может быть, старым потом. Может быть, памятью о человеке, который пытался быть ему тем самым отцом и не смог, потому что алкоголь оказался сильнее. Он долго стоял перед зеркалом в гараже, держа шлем в руках. Смотрел на своё отражение - на уставшие глаза, на тени под ними, на скулы, которые стали острее з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.